

Т. Н. КОНДРАТЬЕВА
Тюменский университет

**«АБСОЛЮТИЗМ», «НАРОДНЫЕ МАССЫ», «БУРЖУАЗИЯ»
И ФРОНДА В ТРАКТОВКЕ Б. Ф. ПОРШНЕВА
В 30-40-е ГОДЫ**

Современный студент-историк, открывая публикации 30-40-50-летней давности, зачастую воспринимает их как своеобразные ребусы или интеллектуальные кроссворды, настолько трудно ему бывает разобраться в этих обезличенных, почти всегда безлюдных, «бесчеловечных» работах, переполненных абстракциями. Он, бывает, не может перевести на современный русский профессиональный язык своих предшественников. Ему мало понятны их культурные коды и особенности мышления. Как узнать, какая политическая, экономическая, повседневная жизнь скрыта за предельно широкими, как тогда говорили, истматовскими категориями «производительные силы», «производственные отношения», «общественно-экономические формации», «способ производства», «базис», «надстройка», «класс» и прочее? Еще менее понятны ему, вероятно, ожесточенные споры, которые вокруг этого частого термина, сдобренных цитатами из классиков марксизма-ленинизма, время от времени возникали.

Борис Федорович Поршнева (1905–1972) был, пожалуй, одним из самых ярких историков и полемистов того времени. Обладая, по-видимому, незаурядной работоспособностью, фантазией, честолюбием и тщеславием, он вдохновенно строил самые разнообразные концепции. Иногда только из марксистских цитат. Но нередко «подпирал» цитаты конкретным материалом после упорной работы с изданными и архивными источниками.

Во второй половине 30-40-е годы советским историкам пришлось довольно интенсивно заниматься изучением истории XVI–XVIII вв. или истории абсолютизма, который попадал в так называемый переходный период от феодализма к капитализму. Уже само срединное место, занимаемое абсолютизмом в марксистской периодизации, предполагало возможность дискуссий, ибо его в силу переходности трудно было подвергнуть типологизации. Историки-марксисты помнили о том, что феодализм во Франции завершился революцией, которую тогда именовали буржуазной. Значит, нужно было ответить еще на ряд сопутствующих вопросов: откуда буржуазия взялась, как складывались ее отношения с абсолютизмом и народом? Но сами классики марксизма, к которым постоянно обращались историки, оставили не так много высказываний на эту тему.

И обойти проблему абсолютизма было невозможно. Этому препятствовала не только недостаточная теоретическая разработка вопроса марксистским обществоведением, но политические и академические реалии. В 1934 г. партийное руководство страны потребовало реконструировать мировую историю в материалистическом, как сказали бы тогда, понимании, а также снабдить выс-

Тамара Николаевна Кондратьева, соискатель кафедры истории древнего мира и средних веков Тюменского государственного университета. Занимается российской историографией абсолютизма.

шую и среднюю школу «правильными» и «идеологически выдержанными» дидактическими материалами и учебниками¹.

В фондах архива РАН, охватывающих вторую половину 30-х годов, часто упоминается работа Института истории над многотомной всемирной историей. Сектор средних веков института занимался закрепленной за ним проблематикой, в том числе абсолютными монархиями Западной Европы. В этой работе активно участвовали как штатные сотрудники сектора, так и привлеченные специалисты. Так, 11 марта 1936 г. в секторе истории средних веков проходило собрание исследователей, привлекаемых к его работе. В ходе заседания был принят план работы и решение среди первоочередных обсудить вопрос об абсолютизме. Будущие полемисты — С. Д. Сказкин и Б. Ф. Поршнев — тогда еще не были штатными сотрудниками института, однако получили задание разработать несколько тем².

19 сентября 1937 г. на заседании сектора разрабатывался план работы на 1938 г. и на третью пятилетку, а также «обсуждался вопрос о составлении схем I–IX томов средневековой истории и о распределении отдельных глав»³. На этом же заседании было решено включить в штат сектора «в ближайшее время» С. Д. Сказкина и «сотрудников МО ГАИМК Б. Ф. Поршнева, С. М. Смирину, А. В. Терешкович»⁴. 15 ноября 1937 г. С. Д. Сказкину было поручено редактировать VI том Всемирной истории, в котором Б. Ф. Поршнев должен был написать разделы о Франции XVI века и раздел, посвященный кальвинизму. В VII томе (редактор В. И. Лавровский) Б. Ф. Поршневу поручалось написать раздел «Развитие мировой торговли и капитализм в Европе в XVII в.», С. Д. Сказкину — историю Испании и Португалии. Кроме того, каждый из них должен был написать свои части раздела «История Франции XVII века»⁵.

¹ Из постановления совнаркома и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 16 мая 1934 г. // К изучению истории: Сборник. Б. М., 1937.

² Архив РАН. Ф. 1577. Институт истории АН СССР. Оп. 5, ед. хр. 41. Л. 1-4.

В плане значится под № 18 Поршнев Б. Ф. Крестьянские восстания во Франции в XVI-XVII в., № 21 Сказкин С. Д. Абсолютизм в Испании и во Франции, № 22 Сказкин С. Д. Французская деревня (северо-восток) в XVIII веке. С. Д. Сказкин и Б. Ф. Поршнев, по-видимому, знали друг друга со второй половины 20-х годов, ибо их судьба была связана с Институтом истории РАНИОН. В 1921–1929 гг. С. Д. Сказкин числился там научным сотрудником 1-го разряда по секции новой истории Запада, а Б. Ф. Поршнев в 1926/27 гг. был аспирантом по секции новой русской истории. См. об этом: Отчет Института истории РАНИОН за 1926/27 академический год // Ученые записки Института истории РАНИОН. 1928. Т. 7. С. 152, 153; Личный состав Института истории Фонд МГУ – РАНИОН (1921-1929) // Калистратова Т. И. Институт истории Фонд МГУ – РАНИОН (1921-1929). Нижний Новгород, 1992. С. 208, 210. Нельзя исключать того, что аспиранство Б. Ф. Поршнева продолжалось и после 1927 года, поскольку Т. И. Калистратова явно реконструировала список личного состава Института истории РАНИОН по его же отчетам, публиковавшимся в Ученых записках института. Последний, 7-й том этих записок был издан в 1928 г.

³ Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 5, ед. хр. 103. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 40-41. Вопрос о том, как связан был этот проект с изданной затем в середине 50-х годов многотомной Всемирной историей, еще предстоит выяснить. Отметим только, что идею написания всемирной истории высказывали в 30-е годы самые разные люди. Например, в 1930-м году об этом писал М. П. Покровский в письме к П. О. Горину. «Не знаю, обращался ли к Вам Кольцов – я его направил в Общество (историков-марксистов. – Т. К.), т. е. к Вам. У него проект дать к «Огоньку» в виде приложения популярную всемирную историю». См.: Горин П. О. М. Н. Покровский – большевик-историк. С приложением неопубликованных писем М. Н. Покровского. Минск, 1933. С. 107; Об издании серии научно-популярных книг под общим названием «Всемирная история» см. также: Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики. Л. 1968, С. 48.

Деятельность по изучению абсолютизма через некоторое время стала приносить результаты. В конце 30-х годов этой темой активно занимались в Москве С. Д. Сказкин, Б. Ф. Поршнев, З. В. Мосина, В. В. Бирюкович; в Ленинграде — А. Д. Люблинская.

Б. Ф. Поршнев был убежденным сторонником того, что проблему абсолютизма нельзя рассматривать вне проблемы «революционных», как он говорил, движений. Он педантично проводил мысль о социальной детерминированности всех политических явлений. «Борьба эксплуатируемых против эксплуататоров вот, в конечном счете, ключ к объяснению политической истории. Этот вывод напрашивается в итоге чтения рукописей Маркса», — писал он в это время⁶. А, например, «корни» Французской революции, по его мнению, растут из XVI века⁷. Приступая к изучению абсолютизма, следует вначале определить роль народных масс во Франции XVI–XVII веков. Понимая под историей процесс развития, идущий от примитивного и простого к сложному и прогрессивному, он замечал в нем прежде всего социальную и классовую борьбу, а также «историческую перспективу».

В конце 30-х годов Б. Ф. Поршнев приступил к изучению истории народных движений⁸. Исследуя восстание в Байоне, он основное внимание уделял выяснению социального состава участников. Историка не смущало то очевидное обстоятельство, что его персонажи использовали другой словарь, отличный от марксистского. «Социальная терминология французских документов XVII в. довольно точна, хотя, разумеется, очень далека от классовых терминов и нуждается в расшифровке. Терминология документов, относящихся к восстанию 1641 г., не оставляет никакого сомнения в том, что оно не было делом рук баонской буржуазии»⁹. Упоминаемый в источниках «мелкий люд» (*menu peuple*), «простонародье» (*populace*), «чернь» (*canaille*), «народ» (*peuple* или (*peoples*), «подонки» (*lie*), «самая низкая часть народа» (*la plus basse partie du peuple*) он считает возможным объединить в более широкое понятие «плебейство», «плебейские элементы города»¹⁰. Вслед за Энгельсом Б. Ф. Поршнев выделяет в плебействе три главных составляющих: 1) «наемные работники и, в особенности, подмастерья» (*garçons, valets, compagnons, ouvriers*); 2) «масса мелких и мельчайших ремесленников», которые «составляли руководящий актив восстаний»; 3) «масса людей, лишенная определенной профессии», состоявшая «из деклассированного крестьянства, из люмпен-пролетариата»¹¹. Плебейство, по мнению Б. Ф. Поршнева, являлось «основной движущей силой рассматриваемых городских восстаний»¹².

Во Франции только 20–40 гг. XVII века, полагал он, имело место «несколько сот» восстаний, а его собственная «крайне несовершенная сводка охватывает около сотни»¹³. От современников, так же, как он, изучавших многочисленные восстания, его отличало стремление к обобщениям, желание

⁶ Поршнев Б. Ф. Третья тетрадь «Хронологических записок» Маркса // Большевик. 1941. №1. С. 94.

⁷ Он же. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. во Франции // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 85.

⁸ См. также его статью: Восстание в Байонне в 1641 г. // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1938. № 1–2. С. 95–132.

⁹ Там же. С. 106–107.

¹⁰ Там же. Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. // Ученые записки Московского Областного Педагогического института. 1940. Т. II. С. 38.

¹¹ Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. С. 38–45.

¹² Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.-Л., 1948. С. 291.

¹³ Он же. Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. С. 26.

увидеть типичное в единичном. Как известно, традиционализм был отличительной чертой крестьянского сознания, и все крестьянские выступления, так или иначе, замыкались на традиционном для крестьян понимании справедливости. В народной памяти были глубоко укоренены представления о «правильных», или даже «правовых», налогах и поборах, которые платили предки, и о злополучных новшествах, введение которых оправдывает выступления. Б. Ф. Поршнев отмечает антианалоговую направленность сельских и городских восстаний XVII века, но трактует крестьянские и плебейские выступления как антидворянские и антиабсолютистские, хотя проводились они, как он сам писал, отнюдь не под антигосударственными или антикоролевскими лозунгами, напротив, под лозунгами: «Да здравствует король без налогов!», «Да здравствует король без габели!» «Не следует, — замечал он, — переоценивать значение этой традиционной монархической здравицы. Король, абстрагированный от налогов и от всех тех сил, которые на практике защищали налоговую систему и причислялись народом к «габелерам», становился вообще пустой фикцией»¹⁴.

Б. Ф. Поршнев предлагал свою периодизацию народных движений XVI–XVII веков. Для XVI века исследователь выделял три цикла и наличие религиозной мотивации. «Первый цикл — с конца 20-х по конец 40-х гг. XVI в. — характеризуется сочетанием социально-экономических и антианалоговых требований с более или менее активной поддержкой реформации... Второй цикл характеризуется перенесением народных чаяний на католическую лигу... Этот цикл приходится на 70-е и большую часть 80-х годов... Третий цикл, падающий на 90-е годы, характеризуется исчезновением всякой религиозной оболочки, *обнажением ничем не завуалированных классовых противоречий* (курсив наш. — Т. К.)»¹⁵.

В XVII веке, полагал он, все выступления, за исключением восстания камизаров, являлись секулярными, в них классовая борьба проступает со всей очевидностью. По мнению исследователя, главная особенность народных движений XVII века состояла в единстве сельских и городских движений, крестьянства и плебейства. «Комбинация плебейского и крестьянского восстаний представляла собой довольно характерное явление этого периода». Причем крестьянские восстания становились все более и более антифеодальными, а городские — антибуржуазными. Проиллюстрируем. О крестьянах: «Сама логика разрастающихся крестьянских выступлений неминуемо должна была вести к преодолению односторонней антианалоговой программы, к ее углублению в сторону борьбы с феодалами и феодализмом как действительной основой абсолютистского государства»¹⁶. О крестьянах и горожанах: «С углублением борьбы крестьянство, продолжая бороться против налогов, одновременно все более обращалось против феодальных сеньоров, а плебейские элементы (города. — Т. К.), что еще важнее, переходили к стачечной борьбе против предпринимателей»¹⁷.

Для XVII он также выделил несколько этапов в развертывании народных движений. «Первая волна» — движения 1610–1630-х годов, которые «подготовили Фронду». «Вторую волну народных движений следует отнести к 60–70-м годам XVII века». Именно на этом этапе крестьянские движения стано-

¹⁴ Он же. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. С. 87; Там же. С. 49–50; Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 296.

¹⁵ Он же. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. С. 85; Он же. Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. С. 3–4; Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.-Л., 1948. С. 35.

¹⁶ Он же. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. С. 90.

¹⁷ Там же. С. 91.

вятся антифеодальными, а плебейские — антибуржуазными. 60-70 годы XVII века во Франции показаны им как время «обнаженной и непримиримой» борьбы абсолютизма и крестьянства. «В сущности, это была сплошная война»¹⁸. Затем наступает спад антиправительственных выступлений¹⁹. «В этом единоборстве двух непримиримых сил к началу 80-х годов XVIII века одолел абсолютизм»²⁰.

В конце века начинается процесс «обособления крестьянских движений от плебейских». «Это не было ослаблением, но, напротив, было созревaniem народных революционных сил». На его взгляд, именно во второй половине XVIII века в крестьянском движении «все яснее выступают элементы антифеодальной борьбы, а в плебейских, на почве развития крупной мануфактурной промышленности, все яснее выступают элементы стачечной борьбы против предпринимателей»²¹. Оба движения вновь соединятся уже в годы революции конца XVIII века. «Они выступали раздельно еще в самый канун революции. Революция открыла достаточно широкое социальное и политическое поле, на котором они могли снова соединиться»²².

Если крестьянство, по Б. Ф. Поршневу, это — антифеодальный и антиабсолютистский класс, то что из себя представляла буржуазия в XVII веке? Этот вопрос невозможно было обойти. И Б. Ф. Поршневу его затронул в большой статье под характерным названием «Чем было «третье сословие» во Франции XVII века?»²³.

Эту работу Б. Ф. Поршневу написал с привлечением большого количества источников — материалов Генеральных Штатов 1614 г., «Политического завещания» Ришелье, трактатов Марьежоля, Луазо, Савари.

Определяя абсолютизм как «государство дворян»²⁴, Б. Ф. Поршневу предпринял попытку выяснить место буржуазии в обществе старого порядка, охарактеризовать специфику его взаимоотношений с властью и развить свою идею о срединности буржуазии. При этом Б. Ф. Поршневу считал общество XVII века классовым. Цитируя современников, которые характеризовали существующую структуру общества скорее с правовой точки зрения, он пытался интерпретировать их высказывания в классовом и социальном плане. «Французское общество XVII в. было уже глубоко прорезано новым делением между людьми, ломавшим все старые феодальные сословно-корпоративные перегородки, делением, основанным на противоположности труда и капитала»²⁵.

Главный вопрос, на который стремился ответить историк, был вопрос о том, отождествляла ли себя буржуазия в XVII веке как общность, платящая подати, с народом в третьем сословии или нет? Он полагал, что не отождеств-

¹⁸ Он же. Народные восстания во Франции при Кольбере // Средние века. 1946. Вып. 2. С. 378.

¹⁹ Он же. Крестьянские и плебейские движения XVII–XVIII вв. С. 89-91.

²⁰ Он же. Народные восстания во Франции при Кольбере... С. 403.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 91-92. Любопытно, что Б. Ф. Поршневу несколько не смущали им самим приводимые факты руководства дворянами крестьянских восстаний.

²³ Он же. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? // Историк-марксист. 1940. № 2. С. 91-113.

²⁴ Там же. С. 108. Данное определение Б. Ф. Поршневу доводилось давать и ранее. См.: Поршневу Б. Ф. Рец. «Сен-Симон. Мемуары. Избранные части «Подлинных воспоминаний герцога де Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохе регентства». Перевод и комментарии И. М. Гревса. М.: Academia, 1936 // Историк-марксист. 1937. Кн. 5-6. С. 235. «Он (Сен-Симон. — Т. К.) превосходно осознает, что абсолютизм все-таки остается по существу господством дворян».

²⁵ Он же. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? С. 99.

ляла. Б. Ф. Поршнев приходил к мнению, что во Франции уже времен Ришелье существовала буржуазия с достаточно развитым, но специфическим самосознанием. Современники ставили буржуа ниже духовенства и дворянства, но и не считали их простолюдинами. Сами представители буржуазии подчеркивали, что она обладает определенными привилегиями и достоинствами, отличаясь тем самым от простолюдинов. Главное отличие буржуазии от народа состояло в ее праве получать должности. Буржуазия входит в число тех, кому дано право соучаствовать в управлении. Ментально обособившись от «низких лиц» (народа), буржуазия достаточно явственно выражала стремление отождествиться с дворянством, представить себя «как подобие, двойника дворянства»²⁶. В то время быть буржуазией означало не столько иметь средства производства, вкладывать капиталы, использовать чужой труд и получать прибыль, сколько наличие потенциальной возможности превратиться в дворянство. «Быть буржуа — это значит иметь право участвовать в городском самоуправлении, следовательно, иметь право занимать муниципальные, а там и государственные должности»²⁷. В XVII веке «французская буржуазия могла мыслить себя как господствующий класс и противопоставлять себя народу только в той мере, в какой она отождествляла или сближала себя с дворянством. Она не могла мыслить себя как таковую, как буржуазию (курсив наш. — Т. К.)»²⁸.

Сближение с дворянством шло, считал Б. Ф. Поршнев, по нескольким направлениям. Он выделяет три формы сближения: 1) политическое сближение — «путем массового превращения в чиновничество», поскольку приобретение даже «самой низшей должности было уже как бы первым шагом к дворянскому званию»; 2) социальное сближение — «путем усвоения дворянского образа жизни (*vivre noblement*)», отчасти известное всем еще до Б. Ф. Поршнева по Мольеру; 3) экономическое сближение — «путем превращения торгово-промышленного капитала в ростовщический (кредитный)»²⁹. Объясняет историк это стремление к анаблированию необходимостью приобретения налогового иммунитета, который распространялся только на первые два сословия.

Феномен «предательства буржуазии», «измены бюргерства своему сословию» является общепризнанным³⁰. Любопытно, что Б. Ф. Поршнев истолковывал его «как утерю буржуазией своих классовых признаков». Отсюда проистекал консерватизм французской буржуазии XVII века, отсутствие революционности. Буржуазия, по Б. Ф. Поршневу, еще не вполне стала классом. При определении «классовости» буржуазии исследователь исходил из определенной заданности, телеологичности истории. Ему был понятен вектор, как тогда говорили, исторического развития. Миссия буржуазии в истории заключалась в том, чтобы вместе с народом свергнуть феодализм и абсолютизм. В поэтической форме эту мысль как нельзя лучше выразил В. В. Маяковский: «Капитализм в молодые года // был ничего, деловой парнишка... // Трико феодальное ему тесно! // Лез не хуже, чем нынче лезут // Капитализм революциями свой весной // Расцвел и даже напевал «Марсельезу»³¹. Вести себя так, значит, по Б. Ф. Поршневу, «объединить себя с народом в третьем сословии..., отважиться на революцию, чтобы... найти свое полное классовое бытие».

²⁶ Там же. С. 98.

²⁷ Там же. С. 99.

²⁸ Там же. С. 100-101.

²⁹ Там же. С. 100-107.

³⁰ См., например: Дидерикс Г. А. и др. От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модернизация Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. М., 1998. С. 150.

³¹ Маяковский В. В. Соч. М., 1988. Т. 2. С. 243-244.

Французская буржуазия XVII века это «бытие» еще не обрела, осознанием своей миссии еще не прониклась и, следовательно, была чужда интересам народа. В условиях XVII века народ был единственной силой, которая противостояла абсолютизму и боролась с ним посредством восстаний. Буржуазия же вела себя как союзник абсолютизма, помогая подавлять народные выступления.³² «Поведение буржуазии во множестве известных нам восстаний (XVII века. — Т. К.) подходит под изложенную схему: сначала сочувствующий нейтралитет, затем содействие подавлению восстания»³³.

Более того, абсолютизм, будучи дворянской формой государства, в условиях широких народных движений оказывался объективно заинтересованным в союзе с буржуазией. «Союз с буржуазией (в форме допуска ее к должностям. — Т. К.) был неизбежным злом для дворянской монархии», поскольку без этого союза, полагал историк, абсолютизм не смог бы выполнить свое «основное назначение» — «держат в повиновении клокочущую народную массу». Кроме того, именно из среды буржуазии абсолютизм только и мог вербовать кадры бюрократии.

Исследователь настаивает, что «движущая сила истории» — это «сила народных масс». Именно эта сила трансформирует общество. Если в XVII веке «буржуазия объединилась бы с силами народной революции, такой союз представлял бы серьезную угрозу дворянской монархии». Но тогда этого не случилось. Это произошло век спустя. В XVIII в. в результате развития капитализма, изменения характера народных движений, отчасти перерождения самого абсолютизма и изменения его политики — произошел разрыв симбиоза дворянской монархии с буржуазией. Буржуазия смогла объединиться с народом в «третьем сословии», ринуться в революцию и обрести, наконец, свою полную классовую природу»³⁴.

Таким образом, классовая природа буржуазии состоит, по Б. Ф. Поршневу, не в способности организовывать производство, спекулятивные, коммерческие и торговые операции, предпринимательстве, в ростовщической скарденности и в авантюризме, толкающем ради получения прибыли за тридевять земель с или за товаром, а в готовности дать бой дворянскому государству.

В марте-апреле 1940 г. Ученый совет Института истории АН СССР провел три заседания, на которых обсуждал проблему абсолютизма³⁵. Выступление Б. Ф. Поршнева в ходе обсуждения отличается логической выстроенностью. Он, как в четках, на нить марксизма нанизывает категории. Одну за другой, не пропуская нужных звеньев. Ибо каждое звено здесь — знак. Абсолютизм он без всякого сомнения определяет как форму дворянского, т. е. феодального, государства. По словам Б. Ф. Поршнева, эта точка зрения стала общепринятой. «Мне кажется, что подавляющее большинство историков уже согласилось на этом тезисе»³⁶. Он далее, по сути, признает, что любой другой

³² Поршневу Б. Ф. С. 112.

³³ Он же. Народные восстания во Франции 20–40 гг. XVII в. С. 58; Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 304.

³⁴ Он же. Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? С. 91, 107, 110, 112, 113.

³⁵ См.: Обсуждение проблем абсолютизма. Заседание Ученого совета Института истории АН СССР от 16 и 20 марта и 10 апреля 1940 года // Историк-марксист. №6. С. 63–68; Мосина З. В. К обсуждению проблемы абсолютизма // Там же. С. 68–72. В Архиве РАН сохранилась подробная стенограмма этого заседания от 16 и 10 апреля. См.: Архив РАН. Фонд 1577, опись 2, ед. хр 39. Дело содержит 101 л. машинописного текста, отпечатанного на стандартных листах с двух сторон. Стенограммы от 20 марта в архиве нет. Можно предположить потому, что заседание от 20 марта касалось проблем российского абсолютизма. См.: Обсуждение проблемы абсолютизма. С. 65–66.

³⁶ Б. Ф. Поршневу назвал только одного несогласного специалиста. Им был В. В. Бирюкович. См.: Архив РАН. Фонд 1577, опись 2, ед. хр 39. Л. 3.

взгляд просто разрушает марксистскую схему: «И действительно, трудно не согласиться, потому что всякая попытка истолковывать абсолютизм как государство буржуазное, или как государство двухклассное и т. д. — приводит к самой невероятной путанице в самых общих представлениях наших о ходе исторического процесса... Мы знаем в истории государства — рабовладельческое, феодальное, буржуазное и, наконец, государство социалистическое, других государств мы не знаем. *И действительно приходится исходить из этого общего положения для определения природы абсолютизма* (курсив наш. — Т. К.). Если абсолютизм — буржуазное государство, зачем буржуазная революция, которая уничтожает этот самый абсолютизм»³⁷.

Правда, такому определению абсолютизма нередко противоречит конкретный исторический материал: многочисленные факты заговоров, восстаний, мятежей дворянства против своего государства. С помощью силлогизмов он легко преодолевает кажущееся затруднение: это «борьба не со всем классом, а с некоторыми элементами феодального класса, которые не хотели приспособиться к новым условиям... Нельзя же представлять себе дело так, что основная часть класса идет против новой формы государства?». Конечно, нельзя, добавим мы, ибо тогда вся схема разваливается. «Если это так, тогда трудно будет удерживать представление о феодальной природе абсолютизма»³⁸. Абсолютизм как централизованное государство отвечает «собирательным интересам» феодального класса в целом, но может не «сходиться с частными интересами отдельных представителей класса»³⁹.

Итак, если первая ключевая категория у Б. Ф. Поршнева «абсолютизм», определенный как форма дворянского, феодального государства, то второй знаковой категорией, естественно, становится «феодальный класс». «Возьмем более конкретный вопрос — именно: о феодальном классе»⁴⁰. Б. Ф. Поршнев предлагает свое объяснение фактам сопротивления. Он вспоминает, что при феодализме существовал политический партикуляризм, искоренение которого «выгодно феодальному классу в целом», но «отдельные семьи могут сопротивляться». «Таким образом, такие широкие антиабсолютистские движения, которые на первый взгляд кажутся такими движениями, борьбой дворянства против абсолютизма, на самом деле представляют собой борьбу дворян за абсолютизм, за его дальнейшее совершенствование, за его усиление, за уничтожение этих случайных фигур, которые иногда здесь наблюдались»⁴¹.

Далее Б. Ф. Поршнев задается вопросом: «Почему же дворянскому классу в позднейший период феодальной истории — в XVI–XVII–XVIII вв. — оказалась нужна новая форма государства?» В ответ он произносит третье слово (социологическую категорию): «эксплуатация», «классовая борьба». Отчасти повторяя то, что он писал раньше, Б. Ф. Поршнев говорит, что классовая борьба в период позднего феодализма обостряется из-за развития товарно-денежных отношений, а также «потому, что на помощь крестьянству выступает очень мощная, хотя и стихийная сила — плебейские элементы городов. Сочетание этих двух сил значительно увеличивает мощь сопротивления эксплуатируемых классов». Отсюда и стремление феодалов к созданию централизованного абсолютизма как единственного способа защитить себя. «Последняя форма феодального государства — абсолютизм соответствует, так сказать, максимальной напряженности классовой борьбы, какую только вообще могло знать феодальное общество»⁴².

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 4.

³⁹ Там же. Л. 4-5.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 8.

⁴² Там же.

Следуя своей манере изложения, Б. Ф. Поршневу задает еще один вопрос: «Как же вообще могло быть создано централизованное государство?» И здесь главным для него представляются взаимоотношения между буржуазией и абсолютизмом. По его мнению, при решении данной проблемы сталкиваешься с «философской антиномией», т. е. противоречием⁴³. Ибо невозможно не принять два ортодоксальных тезиса: что «без поддержки буржуазии, без компромисса феодального класса с буржуазией, — не бывает абсолютизма» и что «буржуазия борется против абсолютизма, является силой ему враждебной и, в конце концов, совершает против него победоносную революцию»⁴⁴.

Б. Ф. Поршневу предлагает свой выход из данного противоречия. По его мнению, хронологически абсолютизм проходит два этапа в своем развитии. На раннем этапе абсолютизм выступает в союзе с буржуазией, на позднем этапе — союз разрушается. «Антиномия разрешается тем путем, что под понятие абсолютизма подставляются два разных понятия. Есть не один абсолютизм, а два абсолютизма — один абсолютизм в союзе с буржуазией, другой в борьбе с ней, и они хронологически следуют один за другим». Для того чтобы решить ее более корректно и более «логически», Б. Ф. Поршневу предлагает дополнить концепцию двух абсолютизмов, концепцией «двух буржуазий», или концепцией «двойкой природы буржуазии». Он предлагает ввести в оборот понятие «феодалная буржуазия», «феодалный, докапиталистический капитал», или понятия «буржуазии старой» и «буржуазии новой». На первом этапе вся буржуазия как класс поддерживала абсолютизм. Она была связана с ним «торгово-ростовщически». Она долгое время боялась народных движений. И долгое время колебалась. «Эти колебания буржуазии, эта ее нерешительность в смысле выбора своей собственной исторической судьбы являются характерными для периода абсолютизма в условиях даже ряда передовых европейских стран... Эти колебания буржуазии означали отсрочку гибели феодально-абсолютистского порядка. Это была историческая оттяжка того конца, к которому феодальное общество необходимо шло»⁴⁵.

Б. Ф. Поршневу характеризует взаимоотношения между дворянством и буржуазией при абсолютизме как компромисс⁴⁶. Однако, по его мнению, этот компромисс не был равноправным. «В основном буржуазия отказывалась от прямолинейной перспективы своего развития, а дворянство, в сущности, ни от чего не отказывалось. Вот только в каком смысле можно говорить о том, что буржуазия поддерживала абсолютистское государство, хотя и получая кое-что, но в то же время и жертвуя очень многим, что она могла бы противопоставить феодально-абсолютистскому строю»⁴⁷.

Приверженность Б. Ф. Поршневу схемам неоднократно отмечали современники. В. В. Бирюкович на этом заседании сравнил Б. Ф. Поршневу со средневековым схоластом. «Что делает Борис Федорович? Он, по сути, идет, если так можно сказать, методом Ансельма Кентерберийского. Он развивает мысль о характере абсолютной монархии тем же самым путем, каким Ансельм

⁴³ Заметим, не с отсутствием или недостатком источников.

⁴⁴ Там же. Л. 18.

⁴⁵ Там же. Л. 18-22.

⁴⁶ Подобная точка зрения высказывалась еще раньше А. Букштейном. В 1936 г. он, в частности, писал: «Обеспокоенные этой массовой борьбой крестьянства (события 70-80-х гг. XVI в. — Т. К.) буржуазия и дворянство стали стремиться к усилению королевской власти. На почве этих устремлений состоялся между ними компромисс, приведший в 1594 году на французский престол Генриха IV Бурбона, короля Наваррского». Букштейн А. Крестьянские движения во Франции в XVI веке // Борьба классов (О восстании кроканов), 1936. № 6. С. 82.

⁴⁷ Там же. Л. 22.

Кентерберийский доказывал существование бытия бога, т. е. *чисто аналитическим путем*... У Бориса Федоровича вместо бога другой объект — «абсолютизм». Это такая форма государства, которая обеспечивает феодалам эксплуатацию трудящихся масс. Вот исходный путь Бориса Федоровича, и отсюда уже путем чисто формально-логического, аналитического метода он выводит все следствия, все доказательства. *Все развивается логически, но история остается ни при чем* (в обоих случаях курсив наш. — Т. К.), и это главный недостаток этого рассуждения»⁴⁸.

Обсуждение 1940 г. скорее только обозначило различие подходов, но отнюдь их не разрешило. Спустя 10 лет Б. Ф. Поршнев признавал, что «вопрос относительно того, как надо трактовать абсолютизм, у нас еще дискутируется среди советских историков»⁴⁹. В 1940-х годах ему неоднократно приходилось давать определение абсолютизма. Он всегда на первое место ставил его социальное содержание: абсолютизм — диктатура дворянства. В датированных 1945 г. лекциях «Франция при Людовике XIV» он, в частности, пишет: «Французское государство в XVII в., основанное на принципе абсолютистского (неограниченного) самодержавия короля, по своей классовой природе было диктатурой дворянства. Общественным назначением абсолютистского государства была защита феодального строя, уже обреченного историей, от всех антифеодальных сил, созревших в недрах этого строя. Основной антифеодальной силой являлись народные массы... Важным союзником крестьян, повышающим массив крестьянских восстаний, стало городское плебейство. Но только присоединение к руководству буржуазии превратило бы стихийную борьбу народных антифеодальных сил в победоносную антифеодальную революцию...»⁵⁰.

Б. Ф. Поршнев, в отличие от некоторых современников, не считал, что абсолютизм когда-либо проводил антифеодальную политику и способствовал буржуазному развитию. На его взгляд, интересы буржуазии и абсолютизма как дворянской диктатуры всегда были диаметрально противоположными. Столь длительный период истории абсолютизма во Франции он объяснял боязнью буржуазии народных масс и ее длительной неготовностью вступить с абсолютизмом в решающую схватку. Для Б. Ф. Поршнева характерны были абсолютное пренебрежение политической историей и взгляд на дворянство как на нечто единое, гомогенное, что разводило его с В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской. Чтение работ Б. Ф. Поршнева приводит к выводу, что дворянство для него, как, впрочем, и крестьянство, и народные массы, являлось скорее инструментальным понятием, чем очевидной совокупностью людей, носящих титулы, шпаги, мантии, разбирающих казенные бумаги. По его мнению, при определении политического устройства общества нужно исходить из ленинского положения о том, «что форма государства может быть разной, а классовая сущность остается той же самой: это политическое господство того класса, который господствует в обществе и экономически». Поэтому что бы ни происходило с государством в средние века, оно по своей классовой природе, по своей сущности остается одним и тем же: «Эта сущность — политическое господство того класса, который господствовал и экономически, т. е. феодалов, дворян». Сила государства используется последними для подавления сопротивления народа. «Мы стоим на той точке зрения, что политическая надстройка играет активную

⁴⁸ Там же. Л. 47-48.

⁴⁹ Поршнев Б. Ф. Вопросы историографии средневековой Франции. Стенограмма лекции. 101 л. Автограф. Датирована 10 октября 1951 г. // РГБ. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 10. Л. 94.

⁵⁰ Он же. Франция при Людовике XIV. Лекции. 1945 г. // РГБ. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 23.

роль в защите феодального базиса. Прежде всего, она выполняла это тем путем, что держала в узде трудящееся эксплуатируемое большинство общества. Политическая надстройка подавляла борьбу этого большинства против феодальной эксплуатации»⁵¹.

В конце 40-х годов Б. Ф. Поршневу написал для Большой Советской Энциклопедии статью «Абсолютизм», положения которой, по его собственным словам, разделялись большинством советских историков⁵². Таким образом, статью в БСЭ можно считать нормативной для конца 40-начала 50-х годов. Посмотрим, что же здесь было написано, и под чем, если верить Б. Ф. Поршневу, были готовы подписаться другие специалисты. Вначале абсолютизм характеризуется как политическая система, тождественная русскому самодержавию. «Абсолютизм, — читаем, — неограниченная монархия, — форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) императору, королю, царю, который издает законы, назначает, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением... А[бсолютизм] является высшей и последней стадией развития феодального государства, сменяющей сословную монархию и характеризующейся максимальной политической централизацией».

Затем автор обращается к его социальным предпосылкам, подчеркивая, следуя Марксу, что абсолютизм возникает в переходную эпоху, когда феодальные сословия разлагаются и появляется класс буржуазии, возникает ситуация политического равновесия между двумя социальными антагонистами. Эта эпоха одновременно является периодом обострения классовой борьбы крестьян против феодалов, периодом массовых «антифеодальных движений», которые побуждают «дворянский класс, чтобы продлить свое господство, становиться на путь открытой диктатуры». Однако, хотя абсолютизм является «диктатурой класса дворян», но государственный аппарат, оставаясь дворянским, выражающим «коренные интересы» дворянства, при абсолютной монархии получает «относительную самостоятельность». Опираясь на созданный бюрократический аппарат, постоянную армию, дворянство и используя нарождающуюся буржуазию, абсолютизм уничтожает феодальную раздробленность, добивается централизации страны.

С точки зрения исторической перспективы, абсолютизму независимо от страны суждено было судьбою исполнить двойную задачу: с одной стороны, «подавлять и всячески предотвращать массовые народные движения», с другой стороны, «откалывать от антифеодального лагеря и переманивать на свою сторону буржуазию, которая объективно была тогда единственной силой, могущей возглавить антифеодальную революцию». Буржуазия в период расцвета абсолютизма, который для Франции датируется временем «правления Ришелье (1624–1642) и царствования Людовика XIV (1643–1715)», демонстрировала «политическую трусость, боязнь народной революционной стихии». Следствием «политического бессилия буржуазии» явилась «на более или менее длительное время отсрочка антифеодальной революции».

По мере созревания капиталистического уклада абсолютизм становился помехой на пути дальнейшего развития буржуазии. «Перед буржуазией со

⁵¹ Он же. Вопросы историографии средневековой Франции. Стенограмма лекции... Л. 94-95.

⁵² Там же. Л. 94. Сама статья издана без указания авторства, но пассаж, который содержится в тексте лекции, не оставляет никаких сомнений на этот счет: «Как последний этап разработки этого вопроса можно указать на статью в Большой Советской Энциклопедии в новом издании, т. 1. Хотя она написана мною, но я не считаю себя ее единственным автором, поскольку многие участвовали в ее улучшении. Думаю, что та постановка вопроса, которая там дана сейчас, выражает мнение большинства советских историков об абсолютизме».

всей остротой становился вопрос о необходимости антифеодальной революции, о неизбежности союза с народными революционными силами». Возникший конфликт в большинстве европейских стран разрешился в ходе буржуазных революций, хотя каждая из них имела свои особенности»⁵³.

Б. Ф. Поршнев часто сетовал на то, что «общественно-экономические отношения и классовая борьба во Франции XVII века изучены чрезвычайно недостаточно»⁵⁴. Он никогда не отступал от своего постулата, что история французского абсолютизма становится понятной, если ее изучение проходит в контексте изучения классовой борьбы, и что усиление классовой борьбы являлось главной причиной становления абсолютизма. В программе своего спецкурса по истории Франции XVI–XVII вв., он в разделе о правлении Ришелье, в частности, выделял следующие моменты: «Укрепление абсолютизма в условиях обострения классовой борьбы... Смерть Ришелье и Людовика XIV, регентство Анны Австрийской, возвышение Мазарини. Новые претензии придворной аристократии, «заговор важных». Завершение Тридцатилетней войны. Финансовые затруднения. Рост налогов. Позиция буржуазии. Рост народных восстаний. Предпосылки Фронды»⁵⁵.

В 1940 г. в знаменитом МИФЛИ Б. Ф. Поршнев защитил докторскую диссертацию на тему «Народные восстания во Франции в XVII веке»⁵⁶, которая подвела итог его конкретно-историческим изысканиям в этой области. В 1948 г. первая часть диссертационного исследования с некоторыми теоретическими добавлениями была опубликована в виде монографии «Народные восстания во Франции перед Фрондой»⁵⁷, за которую историк получил Сталинскую премию.

Высказываемые ранее теоретические тезисы обрели в диссертации логическую завершенность, а классовая борьба превратилась в демиурга истории, единственную и главную причину происходивших во Франции XVII века событий и процессов. Изучение народных восстаний, полагал Б. Ф. Поршнев, позволяет «вычленивать анатомию всего французского общества XVII в.», «дает материал для характеристики административно-судебной, финансовой и военной структуры Франции», «дает много для понимания социально-экономической структуры Франции». Наконец, «абсолютистская доктрина целиком сложилась на почве опыта борьбы с народными восстаниями... Антиабсолютистская доктрина в той или иной мере черпала свои идеи и чувства из того же опыта»⁵⁸. Для того чтобы иметь основания антианалоговые выступления крестьян считать антифеодальными, он именуется королевские налоги «централизо-

⁵³ Абсолютизм // Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. М., 1950. Т. 1. С. 31-32.

⁵⁴ Поршнев Б. Ф. Основные этапы исторической переоценки Фронды // РГБ. Ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 3. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 4 Л. 32/1.

⁵⁵ Поршнев Б. Ф. Программа с/к «По истории Франции XVI-XVII веков» // РГБ. Ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 3. Л. 60. Программа датирована 28. 11. 1940 г.

⁵⁶ Шарапов Ю. Защита докторской диссертации на тему «Народные восстания во Франции в XVII веке» // Исторический журнал. 1941. №5. С. 147-149.

⁵⁷ Поршнев Б. Ф. Народные восстания перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. Перевод книги Б. Ф. Поршнева на европейские языки способствовал «воскрешению» интереса к проблематике «народных волнений» и бунтов среди французских историков. См.: Губер Пьер. Мазарини. М., 2000. С. 208.

⁵⁸ Там же. С. 38; стремление акцентировать «прогрессивность» народа и показать народные восстания как главную причину общественных преобразований встречается даже в тех работах Б. Ф. Поршнева, которые прямо не относились к этому сюжету. См., например: Поршнев Б. Ф. Рец.: Архив Маркса и Энгельса. Т. VI. М., 1946 // Советская книга. 1947. №6, особенно с. 55-56.

ванной феодальной рентой»⁵⁹. Тождество антианалоговых требований, раздающихся в ходе выступлений в деревне и городе, по его мнению, «открывало возможность слияния крестьянских и плебейских восстаний»⁶⁰.

Кроме проблемы народных волнений, которыми Б. Ф. Поршневу занимался в 30-х годах, его внимание начинает привлекать Фронда.

Впервые интерес к Фронде у Б. Ф. Поршнева возник еще в 1932 г., когда по договору с издательством «Academia» он комментировал и писал предисловие к изданию «Мемуаров» кардинала де Реца⁶¹. Уже тогда, по его словам, возникло желание дать «марксистское понимание Фронды» и смутное ощущение, что историки и современники, «излагая множество любопытных деталей, стремились закрыть от читателя непроницаемым молчанием нечто самое главное». Этим главным, по убеждению исследователя, являлась история народных движений, которые охватили значительную часть страны и заняли почти весь XVII век⁶². Вероятно, основное внимание историка в это время, по причине доступности в основном источников мемуарного характера, содержание которых его не удовлетворяло⁶³, привлекала общественная мысль Франции середины XVII столетия. Изучать мышление французов предполагалось преимущественно по так называемым «мазаринадам» — «листовкам и памфлетам эпохи Фронды», коллекциями которых располагали книжные собрания Москвы, Ленинграда и Одессы⁶⁴.

Сохранилось его обращение в Историческую комиссию Академии Наук СССР с примерным планом собственного исследования «Общественно-политические идеи в эпоху Фронды», где Б. Ф. Поршневу предполагал осветить следующие вопросы:

«1) Большое историографическое введение, которое должно будет ввести в основные вопросы и факты общей истории Франции.

2) Характеристика источников. Здесь должен быть дан, прежде всего, очерк положения печати и печатного дела во Франции в середине XVII века, условий распространения, цензура и т. д., так как без всего этого невозможно правильно объяснить количественное соотношение памфлетов различных направлений и пр.

3) Борьба абсолютистской и антиабсолютистской доктрины и эпоху Фронды. Взгляд на политическую власть парламентов и Генеральных Штатов. Теории верховной власти: Рец, Клод Жати и др.

4) Идея всеобщего восстания. Общность различных элементов Фронды и английской революции.

5) Патриотизм и борьба за мир. Отношения различных элементов Фронды к союзу с «врагами государства».

6) Идея социального переустройства: экономические требования, подходящий налог, уничтожение внутренних таможен. Аграрный вопрос. Идеи равенства.

7) Антираелигиозные движения в эпоху Фронды.

8) Заключение. Идеи Фронды и век Людовика XIV. Идеи Фронды и Великая Французская революция.

⁵⁹ Поршневу Б. Ф. Народные восстания во Франции в XVII в. Автореферат // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1944. Вып. 1. С. 37.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Поршневу Б. Ф. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. // РГБ. Ф. 684, картон 6. Ед. хр. 14. Л. 1.

⁶² Там же. Л. 1-3.

⁶³ Там же. Л. 1.

⁶⁴ Там же. О возможностях, которые открывает изучение памфлетной литературы, см.: Озолинг А. Е. Французская памфлетистика при Старом порядке // От Старого порядка к революции / Под ред. В. Г. Ревуненкова. Л., 1988. С. 51-63.

Этот план является, разумеется, примерным и может частично видоизмениться в процессе работы. Основной расход времени требуется на просмотр нескольких тысяч «мазаринад» — во всем объеме, в каком их можно будет собрать в СССР»⁶⁵.

В 1933 г. Б. Ф. Поршневу, как он сам указывает, «в связи с занятиями историей Фронды» случайно «натолкнулся» на неопубликованные источники по истории народных восстаний, хранящиеся в отделе рукописей Ленинградской государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Ими стали часть личного архива и коллекция рукописей канцлера Пьера Сегье⁶⁶.

В 1935 г. появляется его первая публикация об этом событии, в которой историк трактует Фронду как широкое антиабсолютистское движение, «вызванное непосильными налогами», где усилия феодальной знати смыкается с усилиями буржуазии, стихийными выступлениями крестьянства и «городского пролетариата». Выделение столь неоднородного состава участников позволило Б. Ф. Поршневу сделать вывод о том, что Фронда, с одной стороны, «завершила двухвековую борьбу феодальных сеньоров за сохранение и восстановление утраченной политической и экономической независимости», а с другой, «была ранним прологом буржуазных движений, являясь непосредственным откликом английской революции XVII века». Абсолютизм, столкнувшись с широкой оппозицией, вскоре после завершения Фронды забрал обратно «все сделанные уступки»⁶⁷.

По-видимому, всю вторую половину тридцатых годов Б. Ф. Поршневу интенсивно собирал материал о народных движениях XVII в. и часто соприкасался с событиями 1648–1653 гг. Естественно, что, будучи склонным к концептуальному творчеству, он пытался с помощью силлогизмов выстроить причинно-следственные ряды между многочисленными сельскими и городскими волнениями и Фрондой. В защищенной в 1940 г. докторской диссертации «Народные восстания во Франции в XVII веке» историк специально касается этого феномена⁶⁸. Б. Ф. Поршневу приходит к заключению, что Фронду следу-

⁶⁵ Задачи и программа исследования Поршневым Б. Ф. «Общественно-политические идеи в эпоху Фронды» // РГБ. Ф. 684. Картон 8, ед. хр. 3. Л. 38-39. Программа не содержит даты, но, как нам кажется, писалась в середине 30-х годов, в самом начале исследования. Об этом можно судить по следующей фразе: «Считаю нужным сообщить также, что в настоящее время мною заканчивается подготовка к печати комментированного издания мемуаров кардинала Реца (важнейшего источника по истории Франции) и одновременно производится набор материалов к теме: крестьянские движения в годы Фронды». Там же. Л. 39.

⁶⁶ Поршневу Б. Ф. Народные восстания перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. С. 7; Он же. Как я работал в СССР над книгой по истории Франции XVII в. Л. 3.

⁶⁷ Поршневу Б. Ф. Фронда // Большая Советская Энциклопедия. М., 1935. Т. 59. Столбец 244-245.

⁶⁸ Шарапов Ю. Защита докторской диссертации на тему «Народные восстания во Франции в XVII веке» // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 147-149. Заслуживает быть отмеченным, что Е. В. Тарле и С. Д. Сказкин, выступая оппонентами на защите, сочли именно эту часть диссертации наиболее удачной. Е. В. Тарле, например, сказал, что только за раздел о Фронде, «представленный в расширенном виде, автору должна была бы быть присуждена докторская степень». См.: Там же. С. 148. В целом же Е. В. Тарле очень высоко оценивал труд Б. Ф. Поршнева. На защите он, в частности, сказал: «За последнее время у нас одна за другой появились три диссертации, из них две работы очень хороших, касающихся семнадцатого столетия. Это работа Люблинской и Ваша работа Б[орис] Ф[едорович]. Эти две работы, касающиеся семнадцатого столетия. И обе эти работы — приносящие определенную честь советской историографии». См.: РГБ. Ф. 684. Картон 28. Ед. хр. 12, Л. 3. К сожалению, в фонде Б. Ф. Поршнева сохранилась лишь разрозненные страницы отзыва Е. В. Тарле. С. Д. Сказкин, по-видимому, был более критичен: отметив главу о Фронде как лучшую в диссертации, он счел нужным подчеркнуть, что «диссертант углубился в целый ряд таких вопросов, которые невозможно решить на материалах, имеющихся в СССР». Там же. С. 148.

ет рассматривать только в контексте предшествующих и последующих народных восстаний. «Невозможно понять, откуда и на какой почве возникла Фронда, если не изучать предшествовавших ей народных восстаний XVII века. Напротив, стоит поставить Фронду с ними в связь, как она перестает быть загадкой»⁶⁹. По его мнению, на первом этапе Фронда — это «движение, протекающее под революционно-демократическими лозунгами и богатое революционными выступлениями масс», когда обиженная правительством Мазарини чиновная буржуазия сделала попытку «возглавить и развить народные революционные силы для буржуазной революции». Однако на втором этапе буржуазия, испугавшись народа, капитулировала и «пошла на сближение с абсолютизмом». После измены буржуазии народные массы «стали игрушкой в руках вельможных фрондеров»⁷⁰. Уже здесь Б. Ф. Поршнев высказывал мысль о том, что неудача Фронды была вызвана непоследовательной позицией буржуазии, а сама Фронда — является несостоявшейся буржуазной революцией.

В дальнейшем эта концепция корректировалась автором, а Фронда превратилась в неудавшуюся буржуазную революцию. В 1941 г. он пишет об этом предельно четко: «Начало Фронды было попыткой буржуазной революции»⁷¹, «если бы буржуазия возглавила эти гигантские клокотавшие силы в общепаризском масштабе — это была бы буржуазная революция»⁷². В изданной в 1948 г. книге «Народные восстания во Франции перед Фрондой», историк выражает решительное несогласие с общепризнанной трактовкой Фронды как «последней попытки французской знати остановить прогрессивное развитие абсолютной монархии». Нет, говорит он, «подлинная история Фронды» заключается в том, что она «была своеобразным подобием бушевавшей по ту сторону Ла-Манша английской буржуазной революции и отдаленной репетицией французской буржуазной революции XVIII века»⁷³. Аналогия между Фрондой и Английской революцией XVII века, которую тогда в отечественной историографии принято было называть буржуазной, часто проводится Б. Ф. Поршневым. Так, например, он полагает, что «во времена Фронды большой популярностью пользовались республиканские идеи», которые декларировались со ссылками на английские события и на Кромвеля. Парижский парламент в своих требованиях в 1648 г. шел дальше «требований пресвитерианского Долгого парламента». А в программных документах «бордоской народно-революционной организации «Ормэ» содержатся отголоски политических и общественных идей индипендентов и даже левеллеров»⁷⁴.

Трактовка Фронды как «буржуазной революции», начавшейся со стихийного движения масс, вновь поставила перед Б. Ф. Поршневым проблему соотноше-

⁶⁹ Поршнев Б. Ф. Проблема Фронды // Историк-марксист. 1991. Кн. 5. С. 100.

⁷⁰ Шарапов Ю. Указ. соч. С. 148.

⁷¹ Поршнев Б. Ф. Проблема Фронды... С. 101.

⁷² Там же. С. 100; Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. С. 571.

⁷³ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. С. 3.

⁷⁴ Поршнев Б. Ф. Проблема Фронды. С. 99; Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). С. 565-570. Параллели с программными документами левеллеров Б. Ф. Поршнев делает, ссылаясь на текст неопубликованной диссертации А. О. Букштейна «О некоторых особенностях Фронды в Бордо». М., 1941. См.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). С. 569. Видимо, какое-то влияние, действительно, имелó место. Пьер Губер, например, пишет об этом так: «Влияние экстремистов, вдохновлявшихся идеями Английской революции, «уравнителей», людей самых радикальных взглядов, вождь которых Сексби перебрался в Бордо, было несомненным и одновременно второстепенным». См.: Губер Пьер. Мазарини. М., 2000. С. 360.

ния сил в так называемом «революционном лагере», или даже «революционном фронте», а также вопрос о роли буржуазии, крестьянства и плебейства. И здесь он делает свои построения, развивая идеи, уже высказанные им в статье «Чем было «третье сословие» во Франции XVII века?». Ответ, на его взгляд, можно найти в описанной им двойственной природе буржуазии XVII века, одна «душа» которой, «связывала ее с феодальным прошлым, другая — с капиталистическим будущим. Первая долгое время осиливала все порывы второй ввязаться в народный натиск против феодально-абсолютистского порядка»⁷⁵. Для Б. Ф. Поршнева как ортодоксального марксиста очевиден тезис, что буржуазная революция может победить только в том случае, если буржуазия будет последовательно руководить, и направлять стихийные выступления народных масс. Но последовательный союз буржуазии и народа возможен только при синхронном недовольстве их политикой правительства. В XVII веке были две такие возможности. Первая — в конце 20-х годов, при Ришелье, когда Франция вела дорогостоящую Тридцатилетнюю войну, вторая — в конце 40-х, при Мазарини, когда Тридцатилетняя война заканчивалась. В 1629 г. увеличение налогов привело к волнениям среди населения. Но Ришелье одновременно собирался провести и отмену должностей — реформу, которая бы ударила по интересам буржуазии. Буржуазия, подчеркивает Б. Ф. Поршнев, всеми силами стремилась к анаблированию. Главным способом добиться поставленной цели была практика продажи и наследования должностей. Отказавшись от реформы, кардинал «удержал буржуазию на стороне дворянской монархии, предотвратил ее соединение с революционным народом»⁷⁶.

По мнению Б. Ф. Поршнева, абсолютизм мог либо оказывать налоговое давление на народ, либо отменить продажность должностей. Его ресурсов вполне хватало, чтобы справиться при благожелательном отношении либо народа, либо буржуазии с сопротивлением одной из сторон. Но не следовало посягать на интересы народа и на интересы буржуазии одновременно. Это сразу же создавало единый «революционный фронт», направленный против абсолютистского государства.

Мазарини «нарушил» заветы Ришелье. «В 1647 г. Мазарини рискнул начать наступление на право наследования должностей и другие неприкосновенные позиции «людей мантии». Тогда-то, согласно предсказанию первого министра Людовика XIII, все и «вверглось в беспорядок», ибо Мазарини предварительно отнюдь не «облегчил участь народа»⁷⁷. Налоговая политика Мазарини «вытолкнула буржуазию из-под сени абсолютизма», верх взяла «та душа буржуазии, которая звала ее в бой», «в уличных баррикадных битвах в Париже 26–27 августа 1648 г. буржуа боролись бок о бок с плебейскими массами»⁷⁸. «Ущемленные Мазарини, должностные лица почувствовали себя буржуа и в начале Фронды повели себя как собственно буржуазный класс: возглавили революцию»⁷⁹. Тогда-то и возник союз буржуазии с народом. Б. Ф. Поршнев в своей книге приводит свидетельства многочисленных выступлений народа в разных городах страны, руководителями которых были представители буржуазии⁸⁰. Буржуазия использовала народ, по мысли Б. Ф. Поршнева, не для того, чтобы опрокинуть абсолютизм, а для того, чтобы до-

⁷⁵ Поршнев Б. Ф. Проблема Фронды ... С. 100, 101, 102.

⁷⁶ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). С. 631-632.

⁷⁷ Там же. С. 633.

⁷⁸ Он же. Проблема Фронды. С. 101. Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948. С. 571-572.

⁷⁹ Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 635.

⁸⁰ Там же. С. 572-579.

биться от него уступок. Радикализация событий не входила в планы буржуазии. «На нее произвели удручающее впечатление известия о казни Карла I в Лондоне. Парижане громко требовали республики. Буржуазная же верхушка все более раскаивалась в своем порыве»⁸¹. Как только компромисс с короной был достигнут, буржуазия «возвратилась под сень абсолютизма»⁸², «предала» народ и стала «верным союзником абсолютизма против «новой Фронды», «Фронды принцев»⁸³.

Брошенные буржуазией на произвол судьбы стихийные народные силы мог возглавить кто-то другой. Этим другим стала аристократия, которая использовала в борьбе с королевской властью плебейство городов, жестоко подавляя выступления крестьянства⁸⁴. Если в 1935 г. Б. Ф. Поршнев писал о том, что усилия знати и буржуазии «смыкались», то спустя шесть лет он подчеркивает принципиальное различие их политического поведения и отличие их целей.

Почему же, задается вопросом Б. Ф. Поршнев, французская буржуазия не сделала того, что одновременно с ней сделала буржуазия английская? Ответ лежит в плоскости марксистской социологии. Английская буржуазия победила, пишет Б. Ф. Поршнев, потому, что она имела союзников: обуржуазившееся дворянство справа, крестьянско-плебейские массы слева. Во Франции же, напротив, шел процесс «одворянивания буржуазии», что сближало ее с «господствующим классом», т. е. дворянством. Без союзников справа для французской буржуазии «немыслима» была даже «половинчатая буржуазная революция вроде английской». Выступление же с одним союзником — крестьянско-плебейскими массами — таило «перспективу и якобинства, и самоуправства масс». В таких условиях присвоить себе «плоды революции» было «нелегко», и буржуазия отступила⁸⁵.

⁸¹ Поршнев Б. Ф. Проблема Фронды... С. 579.

⁸² Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). С. 636.

⁸³ Он же. Проблема Фронды. С. 102.

⁸⁴ Там же. С. 105, Б. Ф. Поршнев. Народные восстания во Франции перед Фрондой. С. 581–589.

⁸⁵ Он же. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). С. 636–639. В сохранившейся рукописи лекции Б. Ф. Поршнева «Франция при Людовике XIV», датированной 1945 г., мысль о неготовности французской буржуазии XVII века к революции высказана следующим образом: «Во Франции такая реальная буржуазная революция была невозможна: здесь совершенно не происходило обуржуазивания дворянства, в деревне прочно царил феодализм. Следовательно, буржуазия в революции должна была бороться против феодализма с единственным союзником, с народом, т. е. крестьянско-плебейскими массами. Такая революция неизбежно носила бы ярко выраженный демократический характер. Поэтому от французской буржуазии требовалось гораздо больше смелости и зрелости. Буржуазная революция во Франции могла совершиться лишь на более высокой ступени развития общественных противоречий и общественного сознания, чем в Англии. Почти 150 лет отделяет поэтому французскую революцию от английской».

В течение этого времени во Франции господствующим классом оставалось дворянство. Капиталистический уклад занимал в экономической жизни все более видное место, при этом феодализм не подвергался внутреннему перерождению в наиболее существенных отношениях. Не только не происходило обуржуазивание дворянства, но, как яркий симптом гегемонии феодализма в общественной жизни, шло обратное неуклонное одворянивание части буржуазии. Значительная часть богатств, образовавшихся в капиталистическом секторе, все снова и снова уходила в феодальный сектор. Это явление составляет характерную черту феодально-абсолютистского порядка во Франции в XVII–XVIII вв.» См.: РГБ. Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 9. Л. 3.

На вышедшую из печати монографию Б. Ф. Поршнева откликнулись рецензиями Б. Г. Вебер, А. З. Манфред⁸⁶, З. В. Мосина, Р. Самойлов⁸⁷. Б. Г. Вебер нашел немало хвалебных слов в адрес рецензируемой работы, подчеркивая богатую документальную базу исследования, стремление автора «суммарно» сложить данные источников, дабы прийти к обоснованным заключениям. «Это — труд, — заметил он, — историка-исследователя в лучшем смысле слова и вместе с тем ярко выраженного историка-теоретика»⁸⁸. З. В. Мосина сочла необходимым отметить, что Б. Ф. Поршнев своей книгой «проложил новый, трудный, но тем более заманчивый путь», по которому есть резон двигаться, если советская историография хочет раскрыть природу французского абсолютизма. Главный недостаток работы она усмотрела в недостаточной освещенности автором социально-экономических отношений во французской деревне и городе XVII века⁸⁹. А. З. Манфред отметил «скрупулезность» подхода Б. Ф. Поршнева к изучаемым документам, а также широту и глубину поставленных задач. Главный недостаток он увидел в том, что автор, говоря о буржуазии, «не дифференцирует» ее, не выделяет, и, следовательно, не рассматривает отдельные ее части⁹⁰. Р. Самойлов в газетной, публицистической рецензии подчеркнул, что Б. Ф. Поршнев своей книгой «разгромил лживую буржуазную концепцию» и опроверг «буржуазную псевдонауку», которая рассматривает абсолютизм как надклассовое государство, поскольку ему удалось показать размах борьбы народа с королевской властью, классовую позицию абсолютизма и трусость буржуазии⁹¹.

28 декабря 1948 г. сектор истории средних веков Института истории АН СССР выдвинул книгу Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» на соискание Сталинской премии. Наши попытки ознакомиться с содержанием стенограммы обсуждения книги оказались безуспешными⁹². Само выдвижение, с одной стороны, видимо, тща-

⁸⁶ Б. Г. Вебер, А. З. Манфред в это время являлись сотрудниками сектора новой истории Института истории АН СССР, возглавляемого Б. Ф. Поршневым. До Б. Ф. Поршнева этот сектор возглавлял С. Д. Сказкин. См.: Заседание Ученого совета Института истории АН СССР 24-28 марта 1949 года // Вопросы истории. 1949. № 3. С. 158.

⁸⁷ Вебер Б. Г. Рец.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948 // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1948. Т. V. №4. С. 382-387; Манфред А. З. Рец.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948 // Советская книга. 1948. № 9. С. 82-85; Мосина З. В. Рец.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948 // Вопросы истории. 1948. №7. С. 127-132; Самойлов Р. Рец.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.-Л., 1948 // Литературная газета от 29 марта 1950.

⁸⁸ Вебер Б. Г. Указ. соч. С. 383.

⁸⁹ Мосина З. В. Указ. соч. С. 129, 130, 132.

⁹⁰ Манфред А. З. Указ. соч.

⁹¹ Самойлов Р. Указ. соч.

⁹² К сожалению, ни эту, ни другие стенограммы и материалы, относящиеся к сектору истории средних веков Института истории АН СССР нам обнаружить не удалось. Храниться они должны по какой-то необъяснимой логике или капризу времени в Архиве Института российской истории РАН. Там действительно можно ознакомиться с зеленой папкой, носящей причудливое название «Фонд № 1», на обложке которой выведена литера «Г». На листе бумаге, наклеенном на внутреннюю сторону папки, есть следующая надпись «Содержание материалов сектора истории средних веков» (по сути, речь идет об описях фонда), где среди прочего сообщается, что раздел XII — это «Протоколы и стенограммы сектора (1939–1957 гг.)», а раздел XIII — «Планы и отчеты сектора (1939–1955 гг.)». В папке находятся только 7 описей из 13. Отсутствуют описи начиная с номера 8 и кончая номером 13. Все попытки работника архива отыскать для меня стенограммы, планы и отчеты сектора на полках самого архива результатов не дали.

товилось, а с другой — оказалось для многих неожиданным. Значительную роль в выдвижение, вероятно, сыграла З. В. Мосина, «внезапно, — как отмечалось в резолюции партбюро Института истории АН СССР от 12.01.1949 г., — выдвинувшая книгу Б. Ф. Поршнева на Сталинскую премию»⁹³. Нельзя исключить, что сам Б. Ф. Поршнев «организовал, — по словам секретаря партбюро В. Д. Мочалова, — обсуждение со своей стороны»⁹⁴. Вероятно, заседание было бурным, и далеко не все присутствующие соглашались столь высоко оценить труд коллеги по цеху. Особенно резко против основных положений работы Б. Ф. Поршнева выступила приехавшая специально из Ленинграда А. Д. Люблинская, которая «в самом начале заявила, что в книге Поршнева нет ни одной правильной страницы»⁹⁵ и назвала книгу Б. Ф. Поршнева «недобросовестной», а тексты, в ней приведенные, неправильно переведенными⁹⁶. Есть основания полагать, что книгу Б. Ф. Поршнева до этого обсуждали в Ленинграде. А. Д. Люблинская в Москве просто повторила то, о чем уже говорила ранее сама и ее питерские коллеги. А. Д. Люблинской, по-видимому, пришлось вести дискуссию не только с Б. Ф. Поршневым, но и с его многочисленными сторонниками⁹⁷. Дошедшие до нас скудные свидетельства того обсуждения констатируют, что «Люблинская выступала как палеограф, как источниковед и доказывала, что Поршнев неправильно перевел тексты, переводы являются недобросовестными» (Н. А. Сидорова)⁹⁸. Компетентному подходу А. Д. Люблинской, основанному на уважении к источнику, сторонники Б. Ф. Поршнева стремились противопоставить идейную чистоту и демонстративную преданность марксизму, практически прямо и недвусмысленно заявляя, что идеологически правильная концепция выше и много ценнее материала источников. З. В. Мосина сказала об этом наиболее откровенно: «Тов. Люблинская критиковала книгу Поршнева еще в Ленинграде. На секторе она делала целый доклад по книге Поршнева. По моему мнению, она выступила как палеограф, а не как историк (sic! — Т. К.), общую оценку книге она не дала. Она опровергает тексты — переводы документов, что приводит к неправиль-

⁹³ ЦАОДМ. Ф 211. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 11, 17.

⁹⁴ Там же. Л. 14; в 1950 г. В. Д. Мочалова на этом посту сменит Н. А. Сидорова.

⁹⁵ Там же. Л. 13.

⁹⁶ ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 9 «Протокол заседания партбюро с активом Института истории АН СССР от 29.12.1948» Л. 201, 202, который, в частности, содержит два высказывания, принадлежавших З. В. Мосиной и С. А. Асиновской. Приведем их. Мосина З. В.: «...В отношении обсуждения книги тов. Поршнева: развернулась интересная дискуссия, выступавшая Люблинская была разбита. Книга Поршнева новаторская, безусловно, марксистская. О концепции Поршнева Люблинская ничего не сказала, она говорила только об источниках, об отдельных документах и сделала вывод, что книга недобросовестная. Это была вылазка буржуазно-объективистского характера. Мое положение, как рецензента, было неудобно, и я специально выяснила этот вопрос с т. Митиным, который заявил, что если действительно она критикует не с принципиальных позиций, то такая критика не нужна...». Асиновская С. А.: «Когда мы организованно подготовляем мнение коммунистов, то достигаем своей цели, иначе получилось в отношении дискуссии по книге Поршнева. Тов. Смирин со слов якобы Мосиной сказал, что мнение «сектора науки» (вставлено чернилами поверх машинописного текста. — Т. К.) ЦК ВКП(б) дать бой Люблинской, и это было понято всеми как официальное мнение. Люблинская заявила, что каждая страница книги Поршнева недобросовестная, тексты неправильно переведены; мы со своей стороны не проверяли тексты и не знаем, права она или нет. Нельзя было тов. Мосиной без согласования с партгруппой ставить вопрос о выдвижении книги на Сталинскую премию».

Упомянутый А. М. Митин в это время занимал пост заведующего сектором Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б).

⁹⁷ См. подробнее ЦАОДМ. Ф 211. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 11-15.

⁹⁸ Там же. Л. 12.

ному истолкованию документов. Она заявила, что книга недобросовестная. Она считала, что нужно разобраться в переводах. На деле же она не согласна с концепцией Поршнева, но не сказала об этом открыто на заседании. Поэтому мы по ее работам старались выяснить ее концепцию. Поршневу доказал свою правоту»⁹⁹.

Отметим, что некоторые в критике А. Д. Люблинской усмотрели не только соперничество профессиональных установок и позиций, но и проявление существовавшей к тому времени в медиевистике групповщины¹⁰⁰.

Похоже, что обсуждение книги Б. Ф. Поршнева его сторонники очень быстро превратили в форменный разнос оппонента. «Ее ошельмовали, Сказкин признал, что имел место «зажим критики» (Н. А. Сидорова); «Критика проходила не на научном уровне, но не считаю, что имел место зажим самокритики» (З. В. Мосина); «Мы напрасно так разделали Люблинскую» (Кудрявцев)¹⁰¹.

В ходе дискуссии с критикой работы Б. Ф. Поршнева, помимо А. Д. Люблинской, выступили Н. А. Сидорова, С. Д. Сказкин, «другие товарищи» (Н. А. Сидорова)¹⁰² и В. В. Бирюкович¹⁰³.

Однако либо аргументы А. Д. Люблинской оказались достаточно основательными, либо партийная поддержка Б. Ф. Поршневу — не безусловной, но спустя две недели после выдвижения книги на Сталинскую премию в институте стали раздаваться голоса о необходимости проверки приведенных ленинградским историком фактов и о преждевременности решения о премировании книги¹⁰⁴.

А спустя полгода в редакционной статье в «Вопросах истории» прозвучали порицания Б. Г. Веберу за «приятельское захваливание» и «комплименты» в рецензии «на ценную, но не лишенную недостатков книгу проф. Б. Ф. Поршнева»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Некто Кудрявцев на этом заседании партбюро, в частности, сказал: «Очевидно, т. т. Поршневу и Вайнштейну (в то время заведующий кафедрой средних веков ЛГУ, на которой работала А. Д. Люблинская. — Т. К.) представляют среди медиевистов две группы. Столкновения между ними происходили и раньше. Смущает то, что т. Люблинская не раскрыла своего мнения по концепции книги, поэтому не прикрывает ли эта критика борьбы против концепции Поршнева?». Там же. Л. 13.

¹⁰¹ Там же. Л. 12-13.

¹⁰² Косвенно это видно из поведения Н. А. Сидоровой на заседании партбюро от 12.01.1949 г., которая и упомянула С. Д. Сказкина. Сам С. Д. Сказкин ставил книгу Б. Ф. Поршнева не очень высоко. В ходе одного публичного выступления он, в частности, говорил: «В конце концов, написал он (Б. Ф. Поршневу. — Т. К.) книгу, книгу, надо сказать, среднего достоинства, но все-таки выдвинули мы ее на Сталинскую премию». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 20. Л. 158. С. Д. Сказкин всегда выражал недоумение, что Б. Ф. Поршневу в своей книге о восстаниях не счел нужным упомянуть предшественников: «За малым исключением все те восстания, которые описаны самим проф. Поршневым, давно известны и в буржуазной науке и даже отмечены социал-демократической печатью конца 19-го века. В двухтомной работе Бонмара довольно подробно изложены все крестьянские восстания 16-18-х веков во Франции; немецкая работа Гуго (кстати сказать, переведенная на русский язык) посвящена крестьянским восстаниям при Ришелье и Людовике XIV. Непонятно только одно: почему проф. Поршневу ни словом не обмолвился об этих своих предшественниках в своем исследовании?». См.: Российский государственный архив социально-политической истории (Далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 5. Л. 95.

¹⁰³ На этот счет сохранилось собственное признание В. В. Бирюковича, сделанное в 1951 г.: «Два года тому назад я и Люблинская выступали против его (Б. Ф. Поршнева. — Т. К.) концепции... Критика не была вовремя поддержана». См.: ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. Хр. 22. Л. 44.

¹⁰⁴ ЦАОДМ. Ф. 211. Оп. 2. Ед. хр. 14 Л. 12-14.

¹⁰⁵ Выше уровень большевистской критики и самокритики в советской исторической науке! // Вопросы истории. 1949. №7. С. 7.

Очевидно, что книга Б. Ф. Поршнева не о Фронде, а, как сказали бы тогда, о ее причинах и предпосылках. Последняя часть работы, которая, собственно, посвящена событиям 1648–1653 гг. настолько теоретична, что несомненно нуждалась в верификации. Видимо, это понимал и сам автор и, судя по косвенным свидетельствам, собирался продолжать изыскания. В написанном им докладе «Основные этапы исторической переоценки Фронды»¹⁰⁶ он счел нужным заметить: «Для полного освещения истории Фронды советским историкам предстоит разобрать следующие основные темы: а) Крестьянские движения во время Фронды. Эта тема буржуазными историками почти совершенно не разработана и представляет большие трудности, но без изучения революционной борьбы крестьянства невозможна правильная характеристика движущих сил всего движения, понимание конкретного хода событий...

б) Роль предпролетариата или, шире, плебейского элемента городов в истории Фронды. Большой материал, собранный буржуазной историографией, требует еще значительного понимания и правильной характеристики, опять-таки для изучения движущих сил Фронды.

в) Общественно-политические идеи в эпоху Фронды. Обильные источники изучены чрезвычайно мало и в большинстве поверхностно. Тщательное изучение революционной идеологии позволит установить тенденции развития Фронды и установить ее связь с предшествующими и последующими революционными движениями во Франции.

г) Фронда и великая английская революция (связь, влияние и т. д.). Эта тема почти совершенно не изучена и представляет несомненный исследовательский интерес»¹⁰⁷.

Некоторые из них по сию пору ждут своего исследователя. Сам ученый, за исключением последнего сюжета, так и не нашел для них времени¹⁰⁸. Его увлекли другие темы, в том числе весьма экзотические¹⁰⁹.

Из всего приведенного напрашивается совершенно определенный вывод. Советский историк раннего нового времени середины XX века социальную проблематику ставил выше любой другой. Через призму социальных отношений он предпочитал смотреть на прочие исторические явления. При этом он использовал большое число терминов, категорий, клише, идеологием, методологием, которые никакого отношения не имели к изучаемой им эпохе. Его мышление было устроено так, что позволяло ему видеть в прошлом невидимое, слышать неозвученное, читать ненаписанное. Творчество Б. Ф. Поршнева позволяет говорить о готовности некоторых советских историков середины XX века пренебрегать данными исторических источников в угоду концептуальным обобщениям. Однако страсть к логическому осмыслению прошлого, в котором в то время виделась *реконструкция* самого исторического процесса, его движение вперед, по сути, являлась его *конструированием*. А источники, как всякий первичный материал для конструирования, не возбранялось подработать, подтесать, а если материал оказывался слишком «упрям», то он легко подменялся классиками марксизма, благо, в их работах на все случаи жизни находились подходящие цитаты.

¹⁰⁶ Доклад сохранился в рукописном и машинописном вариантах, поэтому в сносках нумерация листов двойная: первая цифра означает рукописный текст, вторая — машинописный. См.: Поршнева Б. Ф. Основные этапы исторической переоценки Фронды // РГБ. Ф. 684. Картон 8. Ед. хр. 3. Л. 32-37 (рукопись); Ф. 684. Картон 6. Ед. хр. 4. Л. 1-12 (машинопись).

¹⁰⁷ Там же. Л. 37/11-12.

¹⁰⁸ Б. Ф. Поршнева. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970.

¹⁰⁹ Например, проблема «снежного человека».

SUMMARY

The article attempts to show the main approaches of Boris Porshnev, the famous soviet historian, to the problem of absolutism in France in the seventeenth century.

The author assumes that Boris Porshnev developed conceptual framework based upon Marxism. He believed that some historical object could be researched only through the prism of social relationships. In the introduction of the historical process he made use of a great variety of terms, words, social categories and idioms, which did not occur in the seventeenth century records. Boris Porshnev's books and papers give a possibility to speak on his readiness to treat the information of historical sources with contempt for the sake of conceptual constructs.

The article also deals with the controversies and debates which took place among soviet historians in 30-40-s of the XX century.